

В.Н. МАКСИМОВА

ЖЕНСКИЕ КАТОРЖНЫЕ ТЮРЬМЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1906–1917 гг.: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНИЦ

Особую роль в «перевоспитании» политических преступников царское правительство отводило режиму мест заключения и поселения. Пытаясь предотвратить дальнейшее участие ссыльных в революционном движении, оно стремилось создать в местах ссылки условия, исключавшие возможность иных занятий заключенных и поднадзорных кроме как связанных с заботами о хлебе насущном. Степень жесткости режима находилась в прямой зависимости от позиции центра, однако, существенные корректировки вносила реальная политическая и социально — экономическая ситуация, складывавшаяся в государстве на тот или иной период времени.

Правовое положение политических ссыльных Восточной Сибири в 1906–1917 гг. регулировалось такими нормативными документами, как Устав о ссыльных 1890 г. (дополненный в 1906 г.), Устав о содержащихся под стражей, Положение о полицейском надзоре, Общая тюремная инструкция 1915 г. В разные годы Департаментом Полиции и Главным Тюремным Управлением издавались также секретные циркуляры, как правило, ограничивавшие права политических ссыльных. При этом в условиях неподготовленности тюремного ведомства к массовому наплыву политических преступников после подавления революции 1905–1907 гг., решение значительного круга вопросов, связанных, в том числе, и с правовым положением женщин, на практике относилось на усмотрение местной администрации.

Исполнение приговора начиналось уже в процессе этапирования, которое, хотя и значительно растягивалось во времени, не входило в срок наказания, что, по справедливому замечанию исследователей, выполняло функцию сознательного продления срока и изоляции революционных кадров от деятельной борьбы с царизмом. Ссыльные всех категорий нередко задерживались и в пересыльных тюрьмах, ожидая включения в очередную этапную партию. Известны случаи волнений и протестов узников, в которых участвовали женщины. Статья 30 Устава о ссыльных определяла путь следования в Сибирь: «...пеше-этапным порядком, а также по железной дороге, водою на пароходах и буксируемых ими баржах, на переменных лошадях и на почтовых лошадях». Секретный циркуляр ГТУ вносил разъяснения в порядок пересылки «...всех лиц, ссыльных в Сибирь по суду и в административном порядке, за политические преступления и политическую неблагонадежность...», требуя «...чтобы все означенные лица пересылались в общих с другими арестантами партиях под усиленным надзором членов конвойных команд» (ГАЧО, ф. 1,

оп. 1, д. 663, л. 4). Ст. 286 Устава предписывала нахождение в ручных и ножных оковах бессрочных каторжных 1-го разряда, прочих каторжных в одних лишь ножных. Для женщин, присужденных к каторжным работам без срока, были предусмотрены менее тяжелые ножные и ручные оковы. На практике наложение оков на женщин, в том числе «политических», было явлением чрезвычайно редким и вызывалось «особой предрасположенностью осужденной к побегам». Так, в кандалах на каторгу были доставлены Х.А. Шакерман, Н.А. Терентьева, в наручниках в ссылку отправилась А.А. Лалова-Бразгаль.

Имелись и примеры «триумфального» следования в Сибирь. Шесть террористок: А.А. Биценко, Л.П. Езерская, А.А. Измайлович, М.А. Спиридонова, Р.М. Фиалка, М.М. Школьник в 1906 г. при передвижении по железной дороге не были закованы, иногда имели возможность выходить из вагона на станциях и участвовать в небольших митингах. Население встречало их восторженно: «...особенно трогательная демонстрация, как мне помнится, была в Омске...тысячи народа встретили нас на станции криками восторга, все громко требовали нашего появления на площадке вагона. К счастью, начальник нашего конвоя позволил нам выйти и обратиться с речью к толпе...», вспоминала впоследствии М.М. Школьник (*Школьник М.М. Жизнь бывшей террористки // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. С. 303*). Иным был для них и пеший участок пути. Среди осужденных находились лица дворянского сословия, которым согласно ст. 62 Устава о ссыльных «дозволялось» отправляться в места, назначенные для их ссылки на почтовых лошадях, «если они того пожелают, и будут иметь достаточные к тому средства». В результате всю группу от Сретенска до Мальцевской тюрьмы (около 300 верст) везли «с шиком на тройках».

Обычно, осужденные следовали от Сретенска пешком этапным порядком. Во время такого перехода разрешалось делать привалы — малые по 10–15 минут и большие по 1–2 часа. Число малых привалов зависело от различных факторов: величины перехода, состояния пути, времени года. Большой привал делался обычно один по проследованию большей части пути, причем в отдаленности от населенных пунктов, на открытом месте. Устав оговаривал при этом исполнение всех хозяйственных надобностей лишь с позволения этапного начальника. Таким образом, уже в этапной партии ссыльным втолковывалось их новое состояние.

Осужденные революционерки пересылались в уголовных партиях малыми группами или в одиночку и, как правило, следовали в конце колонны. В отличие от мужчин, женщины пользовались привилегией следовать на подводах, даже не будучи больными, как сообщала ст. 196 Устава о ссыльных «...если возможно будет по количеству клади». В пути следования женщинам — политическим ссыльным предоставлялась отдельная от уголовных камера, даже при большой скученности послед-

них, что, по всей видимости, вызывалось стремлением царской администрации ограничить распространение «вредных» идей. Того же принципа придерживались и при тюремном содержании женщин, хотя обе категории и сами не охотно контактировали друг с другом.

Тяготы этапа, общие для всех ссыльных, усиливались для женщин низменными притязаниями конвоя. В отличие от уголовных политические ссыльные подвергались такого рода притязаниям гораздо реже и в обстоятельствах, когда факт насилия мог быть скрыт.

Каторга являлась наиболее суровым видом ссылки из существовавших после революции 1905–1907 гг. По «Уставу о ссыльных» она подразумевала отправление осужденных в Сибирь для работы на заводах, фабриках и рудниках. Однако, для осужденных по политическим делам «ссылка в каторжные работы» означала заключение на определенный срок или бессрочно в тюрьмы строгого режима, или в специально оборудованные централы. Фактическое изменение содержания наказания обуславливалось как внутривнутриполитической ситуацией в империи, так и экономическим состоянием восточносибирской каторги. Революционные события 1905–1907 гг., демократизировавшие общественное мнение в России и недостаточное финансирование каторжных тюрем Восточной Сибири способствовали установлению здесь для «политических преступников» в 1905–1906 гг. особого режима, отличавшегося незаконными привилегиями (ношением собственной одежды и обуви, свободными прогулками по двору и за оградой, посещениями родственников, не соблюдением кандалного срока и т.д.) и отсутствием такого неперемного элемента каторги как принудительные работы. Из телеграммы начальника Нерчинской каторги Ю. И. Метуса военному губернатору Забайкальской области от 18 марта 1907 г. следует, что в 1906 г. «в тюрьмах каторги, особенно Акатуевской, существовал режим возмутительного издевательства над законом...» (ГАЧО, ф. 1 (п), оп. 2, д. 264, л. 22). О либеральности режима красноречиво свидетельствовало существование здесь лавки с товаром на сумму 3000 р., принадлежавшей коллективу «государственных преступников». Доход от нее частично направлялся на улучшение условий содержания в тюрьме, большей же частью — на организацию побегов товарищей (готовился, в частности, побег А.А. Биченко, А.А. Измайлович, Р.М. Фиалки, М.А. Спиридоновой, М.М. Школьник, Л.П. Езерской).

В целом введение режимных ограничений в женской тюрьме осуществлялось администрацией постепенно и умеренно. Из доклада начальника Нерчинской каторги военному губернатору Забайкальской области от 20 октября 1910 г. следует, что в Мальцевской тюрьме оковы на бессрочных каторжанок были наложены только весной того же года. В феврале 1910 г. до начальников тюрем Нерчинской каторги был доведен приказ ГТУ о переводе арестантов, считавшихся до того времени политическими в число общеуголовных, с удалением каких бы то

ни было различий в порядке содержания (прилагался именной список содержащихся в Мальцевской тюрьме политкаторжанок). Требования тюремной инструкции в виде утренних поверок, ограничений в чтении, назначения принудительных работ, заключения в карцер за неповиновение режиму начали исполняться с мая 1911 г. уже в Акатуйской тюрьме. Уже при приеме у политических узниц был произведен тщательный обыск и отобраны личные вещи. Обыски камер проводились каждый день.

Вопрос об организации принудительных работ для политических каторжанок возник в России с момента появления женской каторги (в последней четверти XIX в.). Он заключался, во-первых, в том, что ввиду своего происхождения, воспитания, состояния здоровья большинство заключенных данной категории не были способны к физическому труду, во-вторых, они сами коллективно саботировали указанные работы, стремясь подчеркнуть отличие от уголовных и не желая трудиться на своего врага — самодержавие. Политические узницы в начале XX в. расценивали принудительный труд как нарушение прав, завоеванных многочисленными жертвами предыдущих поколений революционеров. Поэтому с позиции исследователей, усматривающих в отсутствии обязательных работ у женской части политической каторги стремление царской администрации, усилить наказание бездельем, вряд ли можно согласиться. Уже в 1903 г., в докладе иркутского губернского тюремного инспектора, содержалась настоятельная рекомендация по организации постоянных работ для «государственных преступников»: для мужчин — столярных, кузнечных, слесарных, переплетных и картонажных; для женщин — швейных.

Сравнивая положение женщин, осужденных по политическим обвинениям с положением мужчин, мы должны отметить, что тюремный режим восточносибирской каторги к женщинам был мягче на протяжении 1906–1917 гг., что выражалось, прежде всего, в неприменении к ним физических наказаний. Однако в указанных временных рамках можно условно выделить два периода: заключение в Мальцевской тюрьме включало в себя ряд вольностей, которые, нарушая правовую регламентацию, представляли компромисс между тюремной администрацией и коллективом каторжанок; содержание в Акатуйской тюрьме более соответствовало требованиям тюремной инструкции. Ужесточение тюремного режима на Нерчинской каторге в 1910 г. отражало общее наступление реакции в стране, которое было санкционировано из центра и подкреплено увеличением финансирования репрессивного аппарата. Относительная «мягкость» к политическим узницам, наряду с проблемами существования каторги в Восточной Сибири, объяснялась как общими завоеваниями предыдущих поколений каторжан и сплоченностью политических заключенных, так и опасением царской администрации российского и мирового общественного мнения.